

**ВЛАДИМИР
КОЛЫЧЕВ**

**КОНТРОЛЬНАЯ
ОБОЙМА**

УБИЛИ
НЕФТЯНОГО
МАГНАТА.
И ЭТО СТАЛО
НАЧАЛОМ...

Владимир Григорьевич Колычев
Контрольная обойма
Серия «Колычев. Лучшая
криминальная драма»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70331080
Контрольная обойма: Эксмо; М.; 2024
ISBN 978-5-04-199399-3

Аннотация

Возлюбленную капитана полиции Степана Кручи обвиняют в убийстве нефтяного магната Дмитрия Окулева. Девушка в ужасе. Но капитан уверен, что сумеет вычислить настоящего убийцу. Тем временем контрольный пакет акций переходит к сыну олигарха Филиппу. Но насладиться своим новым положением молодому человеку мешают конкуренты. После нескольких неудачных попыток уговорить его продать им акции по заниженной цене злоумышленники решают организовать на Филиппа покушение. Однако в последний момент свинец решает судьбу этого спора по-своему...

Еще одна захватывающая история, в которой человеческие чувства проходят жестокие испытания суровыми обстоятельствами. Автор-сила, автор-любовь, автор-ностальгия –

по временам, когда миром правили строгие понятия и настоящие мужики.

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	38
Глава 4	54
Глава 5	70
Конец ознакомительного фрагмента.	77

**Владимир
Григорьевич Колычев
Контрольная обойма**

© Колычев В.Г., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Часть первая

Глава 1

Мощный удар головой в нос, можно сказать с разгона, качок вырубился на раз. Второй лохмач едва не остался без глаз, Сафрон его не щадил, просто амбал быстро вырубился. С третьим «быком» пришлось повозиться, противник пытался провести удушающий прием, но Сафрон резко сдал назад, прижал его затылком к углу дверного проема и ударил головой раз, другой, третий... Бил до тех пор, пока в чувство не пришел первый амбал, Сафрон справился и с ним, но какой ценой. Загребмел в больничку с подозрением на ушиб мозга, так там и оставался, пока не освободили.

Почти месяц провел Сафрон в изоляторе, но так и не смог Круча его там удержать. А ведь из кожи вон, падла, лез, как хотел опустить и отправить на этап, но Сафрон – птица высокого полета, у него деньги, власть, а главное, железный характер. А иначе сидел бы он сейчас в петушином кутке, никому не нужный... Но нет, Сафрон снова на высоте. И едет домой.

Сразу за Кольцевой на подъезде к родному городу располагалась громада торгового центра «Битово». Сафрон невольно залюбовался им, ведь это фактически его владе-

ния, там ведь и дорогие бутики, и дешевый рынок в закрытых помещениях, продавцы платят дань цивилизованно, а деньги там крутятся конкретные.

– Менты! – восторженно воскликнул Чарлик.

Там же, у торгового центра, пост ГАИ, мент палочкой своей, падла, махнул. Или нюх потерял, или страх.

– На хрен! – зло процедил Сафрон.

Класть он хотел на ментов, а на Кручу особенно. Он хозяин города, а не какие-то мусора.

Чарлик ослабил, опустил боковое стекло и, ударив ладонью по локтевому сгибу правой руки, показал менту его место.

– Побежал! – глянув назад, хмыкнул Тюльпан.

И действительно, мент и его напарник спешили к своему «луноходу».

Тюльпан прибавил газу, но Сафрон качнул головой.

– Не надо! Пусть побегают!

Не должен хозяин города шарахаться от ментов, если догонят, Сафрон пошлет их лично и прямым текстом.

Тюльпан перестроился, остановился на перекрестке, за ним – «Чероки» с охраной, там три бойца с помповыми дробовиками, интересно, рискнут ли менты связываться с такой силой? Круча, тому все нипочем, а гаишники совсем другой породы.

Но гаишники не испугались, остановились, перерезав «Мерседесу» путь. На светофоре зажглась зеленая стрелоч-

ка, Тюльпан не стал объезжать ментов, он просто свернул влево, через встречные полосы – на дорогу к Глубокому озеру.

Но, увы, на этой дороге их уже ждали. Сразу две машины перегородили путь: «девятка» гаишников и микроавтобус с затемненными окнами.

– Похоже, спецназ! – нахмурился Тюльпан.

– Круча, сука! – выругался Сафрон.

Ну как же он не просек, что это Круча устроил ему цирк с ментами? Прочитал его, как букварь первоклассника, загнал в ловушку. И спецназ он запросто мог организовать, а с омоновцами лучше не шутить. С собровцами тем более.

Тюльпан остановил машину, пошел объясняться с высокочившими из «девятки» гаишниками. Вышел и Чарлик – руководить своими бойцами из «Чероки».

«Быки» не произвели на гаишников особого впечатления, менты просто не обращали на них внимания, видимо, чувствовали поддержку сидящих в микроавтобусе спецназовцев. Но и Тюльпана не заламывали, и омоновцы не давали о себе знать. Зато из микроавтобуса вышел Круча, здоровый, внушительный, эта его слегка ироничная улыбка хозяина положения злила, но вместе с тем притягивала взгляд. Круча остановился, достал из кармана сигарету. Стоит, ждет Сафрона. И ведь не уйдет, пока не получит своего. Еще и псов спецназовских спустит.

Сафрон вздохнул, вышел из машины, Круча кивнул,

улыбка стала чуточку шире, он сделал пару шагов в сторону Сафрона и остановился. Круча сказал свое слово, Сафрону ничего не оставалось, как тоже сделать шаг навстречу.

– С возвращением, Сафрон! – с издевкой поздравил Круча.

– Не знаю, чему ты радуешься, мент!

Сафрон не постеснялся сплюнуть Круче под ноги, но капитан этого как будто не заметил.

– Что-то я не пойму, Сафрон, растешь ты или, напротив, мельчаешь? От милиции как пионер бегаешь, что это? Если в детство впал, то с чего? Если кто-то обидел, ты скажи.

Сафрон заскрипел зубами, глядя на мента.

Это ведь не первый его залет на тюрьму в нынешнем году. В первый раз нарвался на двух дрыщей, которые оказались крутыми бойцами. С тремя амбалами справился, а с теми не смог, загнали они его под шконку. Именно на это Круча и намекал.

Братья Хохряковы дураками не были, никому ничего не сказали, никто из братвы не узнал, что их босса унизили. Но Сафрон сделал ошибку. Осознав свой косяк, Хохряковы пришли просить прощения, тогда Сафрон и купил их, наравив на Кручу. Но Хохряковых больше нет. Ленчик, брат Ленусика, держится до сих пор, не колетса, Сафрона не сдаст. Терпение у Кручи лопнуло, он организовал пресс-хату, сломать Сафрона не смог, сам, считай, обделался, поэтому и вспомнил о Хохряковых.

– Я сам трех лохмачей обидел! – с угрозой процедил сквозь зубы Сафрон.

И Кручу обидит, а почему бы и нет? Рано или поздно беспредельный мент получит свое. Даже если на колени сейчас упадет, умоляя о пощаде, все равно за свою подлянку ответит.

– Да ну!

– А то ты не знаешь! – презрительно фыркнул Сафрон.

Не мог Круча не знать о пресс-хате. Сам же все подстроил. Это во-первых. А во-вторых, мент держал руку на пульсе, узнал, когда Сафрона освободят, устроил ему мелкую пакость. Знал он все, не мог не знать.

– Я много чего знаю, Сафрон... К цыганке недавно ходил.

– И сколько она тебе накуковала? Хотя бы пару месяцев проживешь?

– На тебя цыганка куковала. Долго, сказала, жить будешь, но плохо, – Круча все улыбался, но при этом взгляд его пробирав до костей.

Тяжелый взгляд, сила в нем реальная. Круча запросто мог устроить Сафрону еще один культпоход на крытый, чтобы исправить свою ошибку. Не трех, а куда больше лохмачей организует, чтобы на этот раз уж наверняка опустить. И ведь не выдержит Сафрон, сломают его. А замочить Кручу нереально, сколько раз он уже пробовал. Собственно, за это с него и спросили.

– Чего ты хочешь, мент? – скривил губы Сафрон.

– Хочу, чтобы ты правила дорожного движения соблюдал, бандит!

– Дорогу на зеленый свет переходить, да?

– Дорогу мне переходить не советую, – качнул головой Круча.

– А то что?

– Я тебя предупредил, Сафрон!

Круча потушил сигарету о свою ладонь, достал из кармана бумажную салфетку, завернул в нее окурок и положил в карман. И сам он за порядком на своей территории следит, и от других того же требует. А как еще его должен был понять Сафрон?

Не прощаясь, Круча повернулся к Сафрону спиной, сел в микроавтобус.

Вернулся в машину и Сафрон. Тюльпан включил скорость, отпустил педаль тормоза. В машине царила мертвая тишина, никто не решался сказать плохо о Круче. И правильно, в глаза нужно говорить о том, какой он козел, а не по углам, как бабы, шептаться.

Проезжая мимо микроавтобуса, Сафрон не удержался и повернул голову. А стекла в «рафике» не такие уж и темные, он смог заметить, что в салоне, кроме Кручи, никого не было. А где же спецназ? Похоже, Круча реально безбашенный мент, если не побоялся выйти на Сафрона без всякой поддержки. Он же знал, с кем имеет дело. Или он просто не воспринимает всерьез битовскую братву? Может, ему нужно

еще раз объяснить, кто в доме хозяин?

* * *

За окном ненастье, небо темное, на его фоне редкие крупинки снега кажутся особенно белыми, холодно на улице, промозгло. Но день хороший, хотя бы потому, что пока без происшествий. Может, и пронесет. Вчера, например, ни одной кражи, ни одного ограбления, ну хотя бы кто-нибудь с кем-то подрался, ничего подобного. Может, и сегодня обойдется. Вечером, часов так в семь, Степан отправится домой, там его ждет любимая девушка, душа уже рвется к ней.

На столе зазвонил телефон.

– Степан! – чуть не крикнула Даша. – Меня арестовали!..

– Дай сюда! – послышался чей-то женский голос.

В трубке что-то хрустнуло, с такой силой ее вырвали. И слышались короткие гудки.

Степан растерялся, но в ступор не впал. Телефон у него новый, с определителем номера – установить адрес, откуда звонили, несложно. Поселок Привольный, дом двадцать четыре. Элитный поселок, тот самый, в котором жил Сафрон, – на берегу Глубокого озера. Одно это уже настораживало.

Сафрон жил в двенадцатом доме, за домом номер четырнадцать сплошь недострой, двадцать второй и двадцать четвертый – готовые коттеджи, дальше снова пустые коробки, где под крышами, где нет. Элитный поселок в стадии строи-

тельства, но в двадцать четвертый дом уже и телефон успели провести с московским номером. Красиво жить не запретишь.

Возле дома стояла старенькая «Волга» с красными крестами на белом фоне и новенькая синяя «семерка». Открылась калитка, появилась Даша, в наручниках, бледная как смерть. Красивая, нежная, изящная, пальто нараспашку, белый медицинский халат под ним.

Даша, казалось, еле стояла на ногах, ее держал под локоток молодой человек тепличной внешности, холеный, лощеный, в дорогой кожаной куртке с воротником из стриженной норки. Портфель дорогой с бронзовыми застежками. Степан узнал его, следовательно Болдарев из районной прокуратуры, однажды привлекался к расследованию убийства, апломба много, а толку мало. Малость туповатый для серьезных дел.

Возмущенный Степан выскочил из машины и рванул к Даше, напугав Болдырева.

– Капитан Круча! – гроыхнул Степан, надвигаясь на следователя.

В проеме калитки стояла молодая полноватая женщина с красивыми глазами и пышной «химией» на голове, она озадаченно смотрела на Степана. Сережки с голубыми камушками на маленьких и жестких, как морские раковины, ушах, кожаный с меховым воротником плащ нараспашку, платье под ним с декольте, подвеска с бриллиантом в один как минимум карат.

– Уголовный розыск не нужен! – мотнул головой Болдарев.

Он хоть и новый человек в районе, но начальника уголовного розыска не знать не мог.

– Что случилось?

Степан шагнул к следователю, тот подался назад, отцепился от Даши, толкнул женщину с «химией». Та возмущенно вскинула руку, будто собираясь ударить его.

– Степа, я ничего не делала!

Даша порывисто прижалась к Степану.

– Наручники у него... Козел!.. – Круча старался, но не мог сдерживать эмоций.

Какой-то парниковый недотеха задерживает его любимую девушку, еще и наручники на нее надевает. Она что, с ножом на кого-то бросалась?

– Гражданка Изварина обвиняется в убийстве! – Болдарев грозно нахмурил брови.

– Это был обычный церебролизин! – мотнула головой Даша.

– Это был обычный лидокаин! – встал в позу Болдарев.

– Я тебя сейчас по стенке размажу! – Степана распирало от злости.

Даша работала в больнице медсестрой, иногда выезжала к пациентам на дом, Степан это знал и ничего предосудительного в этом не видел. Даша могла ошибиться, перепутать лекарства, это, конечно, преступление, но зачем наручники на

нее надевать? Если Болдарев хотел блеснуть перед ней своей крутизной, то и Степан имел полное право наехать на него в самой грубой форме. От обиды за Дашу его просто разрывало на части.

– Эй, капитан, ты чего? – возмущенно и в ужасе захлопал глазами следователь.

– Ты на кого наручники надел, придурок?

– Я требую соблюдать приличия! – Голос у Болдарева сорвался на петушиный крик.

– Наручникиними!

– Ну, наручники-то я снять могу...

Болдарев решил не спорить, полез за ключом в карман, снял с Даши наручники, положил их в свой портфель.

– А теперь давай все по порядку!

– Ну, во-первых, это не ваша компетенция! Во-вторых...

– Ты кто, следователь?

– Следователь прокуратуры юрист второго класса Болдарев! – «петушок» расправил хлипкие плечи.

– Следователь!.. Кто здесь еще с тобой? Где опера?

– Я же говорю, что в оперативном сопровождении не нуждаюсь.

– Да? А откуда у тебя наручники?

Болдарев нахмурился.

– Ну я же следователь прокуратуры!

– А оружие у тебя есть?

– Э-э... Я же следователь прокуратуры... – растерянно

пробормотал парень.

Как правило, следователи боевое оружие с собой не носят. Только в особых случаях. Их оружие – ручка и блокнот, они сами любят так говорить. По этой же причине они не носят с собой и наручники. Вот и думай, почему Болдарев держал при себе браслеты. Специально для Даши с собой взял? А разве она особый случай?

– А это кто? – Степан цепко глянул на стоящую за калиткой женщину.

Она и сама смотрела на него – в тревоге и замешательстве.

– Варвара... Варвара Павловна, – кашлянув, поправился Болдарев.

– А если еще официальной? – усмехнулся Степан.

– Гражданка Окулева... Э-э, вообще-то вопросы здесь должен задавать я! – встрепенулся Болдарев.

– Вы что, в сговоре с гражданкой Окулевой? – Степан сверлил его взглядом.

– Мы?! В сговоре?! Нет! – шарахнулся от него парень.

– Кто потерпевший?

– Если вам так интересно, предлагаю проехать в прокуратуру.

– В прокуратуре мы с тобой обязательно поговорим. В присутствии прокурора. Думаю, вопросов будет много.

– Каких еще вопросов?

– Я еще раз спрашиваю: кто потерпевший?

– Муж... э-э, тесть гражданки Окулевой.

– Когда он умер?

– Э-э... вчера.

Болдарев всем видом давал понять, что на вопросы отвечает под принуждением.

– Должны были вколоть церебролизин, а вкололи лидокаин?

– Да, лидокаин.

– Экспертиза это подтвердила?

– Да, было вскрытие...

– Вчера умер, вчера же вскрытие, заключение экспертизы, сегодня уже арест... Вы всегда работаете так быстро, товарищ юрист второго класса?

Двадцать пять лет Болдареву, Степан точно это знал, гражданка Окулева чуть постарше, в районе тридцати, хотя, может, она всего лишь выглядит не очень свежо, а потому не по возрасту. Может, на самом деле разница у них всего в два-три года. Да и пять лет не помеха, тем более для романа на стороне. Может, у них тайные отношения? Может, невестка решила избавиться от своего тестя, а чтобы избежать наказания, подставила приходящую медсестру? А Болдарев ей помогает. Именно так и думал Степан, глядя на следователя.

– Нет, просто смерть потерпевшего вызвала подозрение у родственников, они обратились в прокуратуру...

– А почему в прокуратуру? Почему не в милицию?

– Имеют право обращаться напрямую в прокуратуру.

– А вы имели право заняться этим делом?

– Во-первых, это дело поручило мне начальство, а во-вторых, вы не имеете права говорить со мной в таком тоне!

– Почему надели на Изварину наручники, Болдарев? Откуда такая уверенность, что это гражданка Изварина убила своего пациента... Я правильно понимаю, пациента? – глянув на Дашу, спросил Степан.

И тут же стал снимать с себя куртку, чтобы набросить ее на плечи девушки. Дашу знобило, зуб на зуб не попадал, то ли замерзла, то ли нервы давали знать.

– Да, пациент. Дмитрий Яковлевич перенес микроинсульт, я приходила, капала церебролизин, витамины.

Степан набросил куртку на Дашу, она кивнула в знак благодарности, закуталась. Окулева большими глазами смотрела на них. У Даши появился неожиданный и к тому же сильный защитник, это ее и тревожило.

– Откуда у вас такая уверенность, товарищ юрист? – Степан резко глянул на Болдарева.

– А ничего, что в сумочке у гражданки Извариной обнаружился конверт с деньгами?

– Ух ты! – Степан скорее обрадовался, чем опечалился. Деньги – это, конечно же, плата за убийство, а вместе с тем и мотив. Но нельзя же работать так топорно.

– Две тысячи долларов США.

– А почему так мало? – глянув на Окулеву, спросил Степан.

– На что вы намекаете? – возмущенно нахохлилась она.

- А на что я могу намекать?
- Думаете, на вас управы нет?
- А у вас есть на меня управа?
- Да сколько угодно!

Степан услышал за спиной шелест колес. Двигатель работал тихо, почти бесшумно, только шорох покрышек выдавал его движение. Он повернулся на звук и увидел знакомый «пятисотый» «Мерседес». Ну вот и Сафрон подтянулся.

– Дом у вас не бедный, – сказал Степан, обращаясь к Окулевой.

– И что? – усмехнулась она, злорадно глядя на выходящего из машины Сафрона.

- Чем занимается муж?
- А это не ваше дело!

Окулева смотрела на Сафрона явно в ожидании поддержки. Но тот даже не мог заговорить, потому что Степан полностью игнорировал его. Даже не замечал. А ведь он один, без поддержки, в то время как Сафрон с охраной, два человека с ним.

– А кому это не мое дело принадлежит? Может, Дмитрию Яковлевичу?

– Да, Дмитрию Яковлевичу, – кивнула Даша. – Он очень богатый человек.

– А тебя, сука, не спрашивают! – взвизгнула Окулева.

– Это ты так с моей девушкой? – удивленно и с угрозой повел бровью Степан.

– А кто ты такой?

– Я знаю, кто он такой, – подал голос Сафрон. – Кусок дерьма!

Окулева обидно засмеялась, Круча повернулся к Сафрону, но тот как будто и не видел его, восхищенно и с обожанием разглядывал Дашу.

– Нарываешься? – спросил Степан.

– Ты не отвлекайся, мент! – смерив его взглядом, скривился Сафрон. – Работай!

И Чарлик за его спиной скалился, и Тюльпан. Оба мощные, угрожающие, с каждым по отдельности Степан справиться еще мог, а со всеми сразу вряд ли. Да и Сафрон такая же сильная фигура, в одиночку трех лохмачей в СИЗО порвал, потому и уверенно себя чувствует. А еще морда красная, перегаром от него прет. Опасен Сафрон в своей злобе, очень опасен. Степан это прекрасно понимал, но духом не падал.

– Алексей Алексеевич, а у вас тут в Битово все менты такие наглые? – спросила Окулева.

– Так, все, хватит, расходимся! – Болдарев решительно взял Дашу под локоток.

– Закрой пасть! – рыкнул на него Сафрон.

От возмущения Болдарев хватанул ртом воздух, но ничего не сказал, испугался.

– Со следователем прокуратуры говоришь, – сказал Степан.

– Да мне и на тебя плевать, мент!

– Может, это ты весь этот цирк устроил? – спросил Степан, глянув на Дашу.

Сафрон настолько же крутой, насколько и подлый. Он мог ударить и ниже пояса. Может, у Окулевой не с Болдаревым роман, а с ним, может, потому и пошла у него на поводу. Отравила своего богатого тестя, а все списала на Дашу. Двух зайцев убила, и муж наследство получит, и Сафрон доволен: Круче отомстил.

– Может, и я! – с вызовом ухмыльнулся бандит.

– Назло мне?

– Назло тебе!

– И не страшно?

– Ничуть!

Сафрон ждал удара, готовился отразить и ответить, но подвела реакция. Слишком уж резво ударил Степан – лбом в голову, как он это умел.

Голова у Сафрона крепкая и тяжелая, он сам своей головой мог вырубить кого угодно, «быка» в СИЗО именно таким ударом завалил. Но Степан знал, что делал, и в удар вложил всю имевшуюся у него мощь. И скорость его не подвела, Сафрон даже голову не успел нагнуть, подставляя под удар лоб.

Сначала Сафрон просто подался назад, даже смог удержать равновесие, взмахнув руками. Но хватило его всего на пару секунд, ноги подкосились, и он плюхнулся на задницу.

– Твою мать! – взвыл бандит.

Чарлик замахнулся, собираясь ударить Степана, но наврался на его взгляд. И замер в нерешительности.

Только вот замешательство длилось считанные мгновения, а тут еще Сафрон взвыл:

– Чарлик! Тюльпан!

Но за спиной у бандитов взвизгнули тормоза. Остановилась «четверка», из машины выскочили опера – Комов, Кулик, Лозовой. Все трое такой же внушительной внешности, как и начальник. Чарлик прекрасно знал, с кем имеет дело, поэтому снова замер в раздумье. Степан резко шагнул к нему, будто собирался ударить, Чарлик отпрянул от него, споткнулся о Сафрона, который медленно, с трудом поднимался... на землю они падали один за другим.

Комов громко засмеялся, Кулик хлопнул в ладоши, Лозовой вытянул губы трубочкой, похлопав по ним пальцами, но даже звука не издал. За оружие никто не хватался, а зачем? Опера и без него держали ситуацию под контролем.

– Это что, засада? – скривился Сафрон.

– Это обида, – усмехнулся Степан и кивком указал на Болдарева. – Можешь прокурору пожаловаться. Если обиженный.

Сафрон зло, но беспомощно глянул на него, отряхнулся и повернулся к своей машине. Спинка носа у него уже распухла от удара, но он этого как будто не замечал. И Даша не рвалась оказывать ему помощь.

Глава 2

Усаживаясь в машину, Сафрон люто глянул на Степана, дверь за собой с силой захлопнул.

– Нервы ни к черту! – с ухмылкой заметил Комов.

Степан кивнул, взглядом поблагодарив его и ребят за оперативность. Вовремя подоспели, причем их никто не просил.

Он резко повернулся к Окулевой.

– Почему лидокаин? – резко спросил капитан.

– Какой лидокаин? – не сразу сообразила она.

– Почему вашего тестя отравили лидокаином?

– Откуда я знаю, почему она перепутала лекарства? – глянув на Дашу, сказала Окулева.

Болдарев беззвучно шевелил губами, как будто хотел, но не решался что-то сказать. То на нее глянет, то на Степана, то на оперов.

– Так перепутала или было заказное убийство?

– Я откуда знаю? – Окулева уставилась на Болдарева, как будто он мог дать ценную подсказку.

Посмотрел на следователя и Степан.

– Еще раз возвращаюсь к вопросу. Почему лидокаин? Разве это смертельно опасное вещество?

– Нет. Если у больного нет аллергической реакции на лекарство.

– А у больного была аллергическая реакция на лидокаин?

Степан стремительно перевел взгляд на Окулеву, от неожиданности женщина вздрогнула.

– Да, была... Однажды... – начала она в замешательстве, но спохватилась и замолчала.

– Что однажды?

– Да нет, ничего.

– Ничего? Да нет, вы знали, что у вашего тестя аллергия на лидокаин. Однажды он чуть не умер... Что там было, анафилактический шок, отек Квинке?

– Э-э... Я не знаю... Тогда не было ничего, а сейчас да, анафилактический шок.

Степан выразительно посмотрел на Дашу, призывая ее к спокойствию.

– Ты знала, что у больного был анафилактический шок?

– Нет. Я вообще ничего не знала. Приехала ставить капельницу, а в доме траур и следователь.

– А то, что у больного была непереносимость к лидокаину, знала?

– Нет.

– Это должно быть записано в истории болезни! – мотнул головой Болдарев.

– Не было там ничего! – уверенно сказала Даша.

– Должно быть записано! – настаивал следователь.

– Дарья Изварина – всего лишь медсестра, претензии по этой части к врачебному персоналу.

– А деньги?

– Две тысячи долларов?

– А это не деньги?

– Не маловато за вашего тестя? – спросил Степан, спокойно, без всякой иронии глянув на Окулеву.

– Нормально.

– Это вы так думаете или заказчик?

– Заказчик, конечно!

– А вашего тестя заказали?

– Э-э... Я откуда знаю?

– А как вы обнаружили деньги? – обращаясь к Болдареву, спросил Степан.

Тот снова дернулся, собираясь напомнить о своей независимости, но, глянув на Комова, решил не возникать. И Федот угрожающе смотрел на него, и Кулик, Лозовой больше смотрел на женщину.

– Ну, как я обнаружил... – Болдарев глянул на Окулеву.

– Да вы не стесняйтесь, товарищ юрист второго класса, если вам кто-то подсказал заглянуть в сумочку, так и говорите.

– Не подсказал... Просто я подумал: зачем Извариной убивать Окулеву?

– А его невестка сказала, что ей могли заплатить. Причем прямо сегодня, так?

– Ну, я подумал, что деньги могут находиться в сумочке, – мямлил Болдарев.

– В присутствии понятых деньги изымали?

– В присутствии понятых? – окончательно сник следова-

тель.

Похоже, он настолько уверовал в свое могущество, что даже забил на Уголовно-процессуальный кодекс. Видимо, решил оформить акты и протоколы позже, кое-как и задним числом.

– Нет?

– Дело в том, что я был один...

– А почему вы были один? – наседал Степан.

– Видите ли, я просто пришел пообщаться с родственниками потерпевшего, осмотреть место преступления.

– Какое место преступления?.. Что-то ты темнишь, дружок! – Степан грозно смотрел на следователя. – Кто тебе сказал, что было совершено преступление? Человеку вкололи лидокаин, что здесь такого?.. Или вы оба знали, что у Окулева аллергия на лидокаин?

Круча грозно посмотрел на невестку потерпевшего, женщина съежилась под его взглядом. В глазах страх, отчаяние и вопрос. Ну как она могла сунуться в воду, не зная броду? Почему никто не подсказал ей, кто стоит за Дашей?

– Никто ничего не знал! – мотнул головой Болдарев.

Степан усмехнулся, хищно глянув на него. Он следователя в покое не оставит, узнает, в каких отношениях этот сукин кот состоит с Окулевой.

– Топорно сработано, Болдарев! Очень топорно! Лидокаин больному мог вколоть кто угодно... Когда ты ставила капельницу? – спросил у Даши Степан. – В котором часу?

– Утром, в половине одиннадцатого.

– Гражданка Окулева, где вы в это время находились?

– Дома я была... Но я не могла вколоть лидокаин!

– Почему?

– Я не могу делать укол в вену.

– Лидокаин колют внутримышечно. Вы могли сделать это после того, как Дарья Изварина покинула дом.

– Но я не делала!

– И еще вы могли вколоть лидокаин в капельницу.

Степан примерно представлял, как это делается. Пробка в склянке мягкая, резиновая, она легко прокалывается иглой. Впрыснул одно лекарство в другое, дальше смертельный раствор пойдет самотеком.

– Я ничего не вкалывала!

– Даша, ты все время находилась при капельнице? – спросил Степан.

– Да, все время.

– Ну вот видите! – обрадовалась Окулева.

– Только в туалет отлучалась.

– Все не так просто, гражданка Окулева. – усмехнулся Степан. – Для вас теперь все непросто!

– А вы мне угрожаете? – с истеричным вызовом спросила женщина.

– Как представитель закона, – соглашаясь с нею, уточнил Степан.

– А может, как... Кем вы приходитесь этой прости госпо-

ди?

– Во-первых, Даша – моя девушка, а во-вторых, вы поступаете глупо, оскорбляя ее. Непростительно глупо.

– Девушка! А рога не жмут с такой девушкой?

– Что?! – вскинулась Даша.

– А то я не знаю, что там у тебя с моим мужем!

– Что у меня с вашим мужем?! Степан, ей лечиться надо! –

От возмущения голос у Даши дрожал.

– Где ваш муж? – жестко спросил Круча.

Он понимал, что Окулева пытается вывести его из душевного равновесия, и не поддавался на провокацию. Но все же от волнения голос его просел. А вдруг у Даши действительно роман с богатым наследником?

– Мой муж на работе, а что?

– И вчера он был на работе?

– И вчера работал.

– Когда же Даша могла встречаться с ним?

– Ну, всю прошлую неделю Филипп был дома.

– А где вы в это время находились?

– Дома. Но не всегда... Один раз прихожу, а они мило так чирикают у его кровати.

– Кто чирикал?! Ваш муж болел, у него температура за тридцать девять была!

Даша умоляюще смотрела на Степана. Она призывала не верить клевете и наказать врунью.

– Еще раз говорю, топорно работаете, гражданка Окуле-

ва! — качнул головой Круча. — Очень топорно!

— Почему топорно... И почему это я работаю? — спохватилась женщина.

По одной ее версии, Даша убила своего пациента из-за двух тысяч долларов. Исполнила заказ, получила расчет от неизвестного заказчика и, не успев спрятать деньги, отправилась к жертве, делая вид, что не знает о его смерти. Деньги в сумочку девушки могла подложить Окулева, она же и подсказала Болдареву, которого использовала вслепую, заглянуть в сумочку. А может, находилась в прямом с ним сговоре.

Сейчас же Окулева сочиняла вторую версию. Даша вступила в любовную связь с ее мужем и убила его отца, чтобы тот смог поскорее получить заветное наследство. Но первая версия перечеркивала вторую, хотя и не входила с ней в противоречие. Деньги за убийство мог передать Даше муж гражданки Окулевой, но тогда при чем здесь любовная связь? Возможно, любовь и корысть в данном случае переплетаются, но Даша не такая. Степан уже два месяца жил с ней, не могла она завести интригу на стороне, а тем более убить человека из-за денег или по любви. Так что зря Окулева наводит тень на плетень, плохо это у нее получается...

Или все-таки существует связь между ее мужем и Дашей? Может, Даша на самом деле убила?.. Но почему с помощью лидокаина? И почему в сумочке у Даши оказались деньги? Это же чистой воды подстава.

Вопросов много, очень много. И Степан обязательно найдет на них ответы. Преступник будет изобличен.

– Деньги у вас? – обращаясь к следователю, спросил он. – Две тысячи долларов.

– Да, у меня, – Болдарев хлопнул по своему портфелю.

– Протокол изъятия?

– Э-э...

– Будем считать, что это ваши деньги.

– Как это мои? – Следователь глянул на Окулеву в поисках поддержки.

– Кто видел, как Дарья Изварина вколола больному лидокаин? – дожимал Степан.

– Ну, кто видел...

– То есть вы произвели задержание на основании своих умозаключений.

– Но я следователь прокуратуры, я имею право...

– Право на беззаконие не имеет даже генеральный прокурор!.. Я хочу осмотреть дом!

– На каком основании? – встрепелась Окулева.

И еще Степан совсем не прочь был обыскать дом, но сомневался в пользе этого дела. Наверняка Окулева уже замела следы, избавилась от лидокаина, от шприца с остатками лекарства. Тут уж скорее мусорку обыскивать нужно, но опять же поздно, время ушло.

– На основании постановления, которое выпишет следователь Болдарев... Или другой следователь, которому поручено...

чат это дело.

– Почему другой? Я могу...

– Начать все сначала? – с усмешкой спросил Степан.

– Почему все сначала?

– Гражданка Изварина приходит к своему пациенту, узнает, что он мертв и что в доме находится следователь. Так было дело?

И Болдарев кивнул, и Даша. В момент ее появления следователь уже находился дома. И уже подозревал ее.

– Вы провели допрос, предположили, что это может быть заказное убийство, проверили сумку, нашли в ней конверт, в котором находились деньги, – стал излагать свою версию Степан.

– Да, нашел, – в ожидании подвоха посмотрел на него Болдарев.

– Конверт этот изъяли с нарушением уголовно-процессуального закона... Думаю, мы можем это исправить. Вернемся в дом, вернем конверт в сумочку... Даша, ты трогала конверт руками?

– Нет, конечно!

– Изымем конверт, отправим на экспертизу, снимем следы пальцев.

– Следы пальцев? С конверта? – усмехнулся Болдарев.

– Есть методы, – удивленно посмотрел на него Степан.

Обычным порошком и кисточкой следы пальцев с бумаги не снять, тут нужен более суровый способ, например ва-

куумное напыление оксидов радиоактивной серы или серебра, с токсичными цианоакрилатными клеями эксперименты проводят. В общем, снять пальчики можно, просто нужно знать, куда за этим делом обратиться. Районная криминалистика здесь бессильна, в этом Болдарев прав.

– Ну, в принципе есть, – пожал плечами Болдарев.

– Просто вам это неинтересно, – усмехнулся Степан. – А мне вот очень хочется узнать, где здесь собака зарыта.

Степан с операми все-таки прошел в дом, конверт вернули в сумочку, его изъяли в присутствии понятых. Он, конечно, рисковал. Если Даша реально замешана в убийстве, ей этот конверт будет как нож в спину.

И еще он осмотрел дом. Большой, просторный и даже длинный, может, потому, на второй этаж вели две лестницы, основная и пожарная. На первом этаже располагались два, на втором – целых три санузла. И что самое интересное, вчера все два санузла вдруг оказались нерабочими, о чем Варвара Окулева не забыла предупредить. А спальня больного как раз на втором этаже и находилась. Даша, поставив капельницу, осталась там, пациент заснул, она вышла в туалет, для этого ей пришлось спуститься на первый этаж. Окулева в это время находилась на кухне, но что ей мешало подняться наверх и сделать тестю смертельный укол – через капельницу. Также лидокаин она могла вколоть и после того, как Даша ушла.

А сегодня Окулева могла вложить в сумочку конверт с

деньгами. Даша оставила ее в прихожей, следовательно опрашивал девушку в каминном зале, Окулева могла воспользоваться ситуацией – взять конверт, вложить деньги...

– Мне все ясно, будем работать, – сказал Степан, выразительно глядя на Болдарева.

– А что с Извариной делать? – осторожно спросил он.

– В кандалы и на каторгу, без суда и следствия. Ты это хотел услышать? – усмехнулся Круча.

– Ну, каторга – это слишком.

– Ты даже не представляешь, Петя, какой я вежливый! Иногда самому тошно. А сейчас мне так хочется накричать на тебя и даже набить морду! Ты, конечно, извини за откровенность.

– Ну да, Даша твоя девушка.

– За Дашу я порву всех! Начиная с тебя!.. Возьмешь с Извариной подписку о невыезде и закроешь ее в камере – лет на десять. Можешь даже подвергнуть ее пыткам... Это я про подписку! А Даша едет домой... Или отправляется в соседнюю с тобой камеру. Ты меня понимаешь, Петя?

Степан натурально борзел, наезжая на следователя прокуратуры, он сам это понимал, но ничего не мог с собой поделать. Он почти не сомневался в том, что Болдарев пошел на поводу у Окулевой. Может, он только вчера с ней познакомился, если так, то схватила она его за горло крепко, пока неясно через что. Скорее всего, через кошелек.

– Итак, с Извариной подписку, а от вас, Варвара Павловна,

требуется личная фотография, желательно недавняя.

– Зачем? – нервно спросила женщина.

– Работать будем. Установим все ваши перемещения, все ваши коммуникации, все ваши связи. Просветим вас вдоль и поперек. И выведем на чистую воду. Если, конечно, это вы убили своего тестя.

– Не убивала я! – От волнения голос Окулевой сорвался на хрип.

– Тогда вам и бояться нечего... Обещаю, работать будем с пристрастием.

– Но я ни в чем не виновата!

– Может быть. Но если вдруг, советую вам во всем признаться прямо сейчас. Раскаяние ведь не только в церкви бывает, раскаяние и суд учитывает. Получите лет семь-восемь... К сорока годам выйдете. А если вдруг пожизненное...

– Не надо меня пугать!

– Я не пугаю, я работаю... Чем, вы говорите, ваш муж занимается?

– Это не важно.

– Да нет, это важно. Для вас. Вдруг вашего тестя действительно могли заказать. Из-за его денег.

– Его могли заказать, – оживилась Окулева.

– Кто?

– Не знаю.

– Чем занимался Дмитрий Яковлевич?

- Раньше он в Министерстве нефтяной и газовой промышленности работал.
- Та-ак!
- Потом он свою нефтяную компанию основал. «Советская нефтяная компания».
- Союз распался, а компания советская?
- Союз распался, а советы остались. Советы директоров, – совсем невесело усмехнулась Окулева.
- И кто руководит этой компанией?
- Сейчас – мой муж.
- И где находится офис этой компании?
- В Москве... Как таковой компании нет, там доли в различных нефтяных компаниях... Недавно вот крупный пакет взяли.
- Недавно?
- Ну, залоговые аукционы, вы должны были слышать. Что можно было приватизировать, еще в девяносто четвертом взяли, а сейчас то, что было нельзя, берем.
- Растаскиваем народное достояние?
- Пока есть возможность...
- А возможности могут и закрыться?
- А убьют – и закроются... Дмитрия Яковлевича вот уже убили!
- Кто его заказал, вы, конечно, не знаете?
- Могу только догадываться.
- Попробуйте с трех нот!

– Куш мы хороший у «Иртышнефтепрома» взяли, не знаю, сможем ли переварить.

– «Иртышнефтепром» вам угрожает?

– Да, поступило предложение выкупить пакет акций, Дмитрий Яковлевич отказался.

– Большая нефть – большая кровь, – в раздумье проговорил Степан.

А вдруг Даше на самом деле предложили деньги за смертельный укол, а она по какой-то причине не смогла отказаться? Про аллергию на лидокаин ей мог сказать сам Окулев, почему бы и нет?..

– В каком-то смысле да.

– Как умер Окулев? – спросил Степан.

– Стошнило его, давление упало. Я думала, пройдет. – Женщина отвела взгляд в сторону.

– То есть «Скорую помощь» вы не вызывали? Сразу катафалк!

– Я же говорю, думала, пройдет...

– А потом вы вдруг подумали, что вашего тестя отравили... Кстати, как вы отнеслись к предложению «Иртышнефтепрома»?

– Я?! При чем здесь я?

– А вот это мы узнаем, Варвара Павловна, обязательно узнаем, – поднимаясь со стула, сказал Степан.

Он забрал фотографию Окулевой, вместе с Варварой и Комовым покинул дом. Кулик и Лозовой не зевали, они уже

разговаривали с мужчиной из соседнего дома, что-то спрашивали. Степан закурил, глядя на них, нервно затаился. А вдруг мужчина что-то знает о романе между Дашей и Филиппом Окулевым?

«Волга» с красным крестом уже уехала, Степан не успел опросить водителя, но, возможно, опера сделали это. Может, они уже узнали страшную для Степана правду?

– Ты же не думаешь, что это я убила? – Даша с тревогой смотрела на него.

– Нет, конечно!

Он не собирался ей ничего предъявлять. Сначала оперативно-разыскные материалы, экспертиза, потом уже можно будет делать выводы.

– И с Филиппом у нас ничего не было. И быть не могло! – мотнула головой Даша.

– С Филиппом? – Степан уныло глянул на девушку.

Не понравилось ему, что Даша назвала Окулева по имени.

Не видел он этого Филиппа, но представление о нем уже имел. Слышал он о залоговых аукционах, да и до президентских выборов приватизация государственной собственности в стране шла ударными темпами. Судя по всему, Окулев-старший смог сколотить капитал и, пользуясь своим служебным положением, удачно его вложить. Дальше – больше. Уже сейчас Окулев-младший мог располагать многомиллионным состоянием.

Глава 3

Лед треснул сразу, едва только Степан взялся за дело. Показал свою силу, спустил зарвавшуюся Окулеву с небес на землю, заставил трепетать от страха. А сегодня лед еще и тронулся. Сначала ему позвонил знакомый из экспертно-криминалистического центра. Оказалось, что Степан незря расщедрился на четыре бутылки хорошего коньяка, Палашев снял следы пальцев и с конверта, и с нескольких купюр. Отпечатков пальцев Даши не обнаружилось, зато имелись «пальчики» Окулевой. И на конверте следы присутствовали, и на банкнотах.

– Да, была такая, – кивнула полноватая женщина в белом халате. – Приходила, покупала... Да, лидокаин!..

– А шприцы?

– Шприцы?.. Нет, шприцы не покупала!..

Степан распечатал фотографию Окулевой и отправил своих оперов по аптекам. Логика простая: если у кого-то из домашних аллергия на лидокаин, то в аптечке этого лекарства быть не должно. Если так, то Варваре Окулевой пришлось покупать лидокаин в аптеке. Степан понимал, что из предосторожности она постарается купить лекарство где-нибудь в центре или даже на дальней окраине Москвы, поэтому он не ограничился Битово и близлежащими районами столицы. Распылил силы по всей Москве, сам подключился к делу,

и вчера ходил, и сегодня с утра на ногах, и надо же, удача улыбнулась ему. Мало того, что Окулева здесь побывала, так ее еще и опознали.

Степан поблагодарил женщину, по пути в Битово обзвонил своих оперов, дал отбой по аптекам и велел возвращаться в отдел. Сам же по пути домой заехал в прокуратуру к Болдареву. Следователя еще не совсем отработали, не установили связь между ним и Окулевой, если таковая имелась. Возможно, Окулева действительно взяла Болдарева в оборот позавчера, когда пришла в прокуратуру со своими подозрениями. Может, заплатила хорошо, может, в придачу к этому еще и пообещала что-то горяченькое, так или иначе парень пошел у нее на поводу. И вчера в поселок Привольный он прибыл с определенной целью – задержать Дашу. А ведь мог справки о ней навести... Идиот, одним словом.

– Ну что, Петр Евгеньевич, будем Окулеву задерживать? – двумя руками опираясь о стол, спросил Степан. Он буквально нависал над Болдаревым.

– А есть основание?

– У тебя есть лучшее оперативное обеспечение, значит, будут и основания. Уже есть. Пальчики Окулевой на конверте и на банкнотах, вложенных в него. Назвать номер аптеки, в которой она в пятницу на прошлой неделе покупала лидокаин?

– А пальчики Извариной на конверте есть?

– Нет ее пальчиков, чистая она. А Окулева под большим

подозрением.

– Есть заключение экспертизы?

– Готовится, завтра будет у меня на столе. Сразу же передам вам, Петр Евгеньевич!

– Ну, покупала Окулева лидокаин, и что?

– Действительно, ну, взяла тебя за яйца, Петя, что здесь такого?.. Ну, если не считать, что начнутся проблемы по службе.

– Никто ничего не брал, – покривился следователь.

– Хочешь, чтобы я тебе поверил? Ну так докажи, что твои яйца принадлежат только тебе. Ну и закону! – усмехнулся Круча.

– Ну, хорошо, – Болдарев вздохнул как девочка перед тем, как заплакать от обиды.

К дому Окуловых подъезжали уже в темноте. Улица – сплошной недострой, но фонари установлены, все горят. Сафрон постарался. Степан не исключал встречи с бандитами, поэтому прихватил с собой Комова и Кулика.

Калитку открыл холеный мужчина лет тридцати, черное полупальто на нем, костюм с галстуком, туфли отливают лаком, за спиной виднелся «Мерседес» представительского класса. Парень крепкого телосложения поливал его из шланга. Похоже, хозяин совсем недавно вернулся домой, его водитель занялся машиной, пришлось самому открывать калитку.

– Филипп Дмитриевич? – раскрыв удостоверение, спро-

сил Степан.

Если перед ним стоял его соперник в делах сердечных, то дела сердечные у капитана не очень. Не молодой, но и совсем не старый, седина даже не тронула черные густые волосы. Располагающей внешности, правильные черты лица, не жесткие, но и не мягкие. Высокий, статный, породистый. И богатый.

– А в чем, собственно, дело?

– Следователь Болдарев! – кивком указав на своего спутника, сказал Степан.

– Да-да, слышал.

– Супруга ваша дома?

– У нее болит голова.

– Мы принесли ей отличное лекарство! Голова пройдет сразу!

Увы, постановлением на арест Степан не располагал, но Болдарев мог задержать подозреваемую своим распоряжением. Основания для этого имелись, хотя далеко не всякий адвокат мог согласиться с этим. Впрочем, Окулеву совсем не обязательно задерживать, достаточно поставить ее перед фактом и взять подписку о невыезде. А если она постарается скрыться, то и задержать.

– И какое же?

– Лидокаин... который ваша супруга покупала в аптеке восемнадцатого октября.

– В какой аптеке?

– Что же вы, Филипп Дмитриевич, даже на порог нас не пустите? – резко спросил Степан и надвинулся на Окулева, заставив его посторониться.

– Вы что, собираетесь арестовать Варвару? – нарочно громко спросил хозяин дома.

Окулева могла его услышать и сбежать через окно с тыльной стороны дома. Это сообразил Степан и его опера. Сам он остался стоять, а Комов стал обходить дом справа, Кулик – слева. Окулев встрепнулся, Степан мягко похлопал его по плечу.

– Спокойно, Филипп Дмитриевич, спокойно! Зачем беспокоиться? Если ваша жена ни в чем не виновна... Или все-таки?..

– Не надо трогать мою жену!

– Это кто? – глядя на водителя, спросил Степан.

Крепкий на вид парень, закаленный; на улице холод, а он в одной футболке. И рубашку снял, и куртку, а может, и сбрую с кобурой для служебного пистолета.

– Водитель, а что?

– А охрана?

– Он же и охрана... Зачем вам это знать?

– А разве вам не угрожают?

– Кто мне угрожает?

– А кто угрожал вашему отцу?

– Никто ему не угрожал!

– А деньги, которые нашли в сумочке у подозреваемой

медсестры?

– У Даши?

– У Даши, – нахмурился Степан.

Окулев назвал его девушку по имени, и ему это не понравилось.

– Это какая-то ошибка! Даша не могла!..

– Это не ошибка, это подстава!.. Знаете, как деньги попали в сумочку?

– Как?

– Где ваша супруга?

Степан поднял голову и увидел в окне знакомое лицо. Варвара Окулева смотрела на него, приложив к уху телефонную трубку. Степан жестом показал ей, чтобы она спускалась вниз, и, не обращая внимания на Филиппа Окулева, прошел в дом.

– Ну что вам опять? – хныкающим голосом спросила хозяйка.

– Хотел сообщить вашему мужу, откуда взялся конверт в сумочке Даши Извариной.

– Вашей девушки! – уточнила Окулева.

– Моей девушки! – не стал отказываться Круча.

– Вы все что угодно придумаете, чтобы выгородить ее!..

Мой адвокат в курсе, с минуты на минуту он будет здесь.

– Ну что ж, обвиняемая, обвинитель, адвокат и суд, – кивнув в сторону Окулева, сказал Степан. – Все в сборе!

– Какой суд? – не понял мужчина.

– А разве не вашего отца убили?

– Не знаю насчет убили, но да, умер мой отец.

– Тогда рассматривается дело гражданки Окулевой, – с усмешкой сказал Степан.

– А вот фиглярничать не надо, – скривилась Варвара.

– У вас есть в аптечке шприцы? – строго посмотрел на нее Круча.

– Шприцы?! Зачем вам шприцы?

– Есть шприцы, – приложив к щеке палец, кивнул хозяин дома.

– А лидокаина нет. То есть не было. Пока вы его не купили, в пятницу, восемнадцатого октября, в аптеке на Большой Полянке.

– Что я там покупала? – Голос у Окулевой дрогнул.

– В аптеке вас опознали.

– Кто опознал?

– В материалах дела все есть.

– Там что-то напутали...

– В сумочке Дарьи Извариной нашли конверт с деньгами. Как вы думаете, как они туда попали?

– Как попали? Заплатили ей за убийство, что тут непонятного!

– Почему тогда на конверте нет следов ее пальцев? А вот ваши пальчики есть! И экспертиза это подтверждает!

– И без экспертизы ясно, что вы подделали результаты экспертизы, чтобы выгородить свою Дашу!

Окулева говорила, а муж не мигая, смотрел на нее, сомкнув губы. От внутреннего напряжения на скулах нервно двигались желваки.

– Филипп Дмитриевич, у вас, случайно, не пропадали две тысячи долларов? – спросил Степан.

Мужчина едва заметно кивнул, не сводя глаз с жены. Не ошибся Степан, топорно сработала Окулева. Ошибка за ошибкой, и все вниз, под уклон, под откос.

– Ваша супруга знала, что у вашего отца непереносимость лидокаина? – спросил он.

На этот раз Окулев кивнул явно.

– Что скажете, Варвара Павловна?

– Последнее слово! – сквозь зубы процедил мужчина.

– Какое последнее слово?! Я ничего не делала!.. Ты что, не видишь, он свою шлюху выгораживает!.. И твою тоже!

Степан выразительно посмотрел на притихшего следователя. Он мог стерпеть оскорбление в своей адрес, но взбесившаяся Окулева грязно обозвала Дашу, и если Болдарев не примет меры, Степан припомнит ему все.

– Что ты такое говоришь? – разозлился Окулев.

– А то я не знаю, как ты паялся на нее! И она глазки тебе строила! – не так уверенно, но все же решительно заявила Окулева.

– Варвара Павловна, вы ревновали мужа к Дарье Извариной? – наконец-то подал голос Болдарев.

– Я ревновала? – спохватилась женщина.

– Ну вы же утверждаете, что между Извариной и вашим мужем возникли отношения?

– Нет, не возникали... Мне показалось.

– Насколько мне известно, ваш муж наследует состояние своего отца.

– Я точно не знаю.

– Как это ты не знаешь? – вскинул брови Окулев.

– Ну а мне-то что с того? Если бы я наследовала!

– А разве вы не состоите с Филиппом Дмитриевичем в законном браке?

– Состою.

– Экспертиза показала, что незадолго до смерти потерпевшему была сделана внутримышечная инъекция лидокаина, – сказал Болдарев.

Степан повел бровью, поощрительно глянув на него. Да, он знал это, но в список улик этот момент не включил. Дело в том, что Даша не только ставила капельницы, но и внутримышечно колола витамины.

– Ну так Дашка и делала! – не смогла промолчать Окулева.

– Судмедэксперт считает, что это могла быть инъекция лидокаина.

– Правильно. Дашка и уколола!

– Но в доме находилась не только Изварина, в доме находились и вы... И деньги в сумку положить могли вы.

– Нет!

– И в аптеке вас опознали. Зачем вы покупали лидокаин?

– Не покупала я!

– Гражданка Окулева, вы задержаны по подозрению в убийстве своего тестя! – наконец-то родил Болдарев.

– Как это задержана? – всплеснула руками Окулева.

– Собирайтесь, вас доставят в отделение, – глянув на Степана, сказал следователь.

– А как же адвокат? Он сейчас подъедет!

Болдарев качнул головой, а Круча развел руками. Адвокат может в чем-то помочь, облегчить участь, но за решетку вместо нее он точно не пойдет.

– Я это дело так не оставлю! – заистерила Окулева. – Я до генерального прокурора дойду!

Болдарев сделал каменное лицо, не отреагировал и Степан, поэтому она набросилась на мужа:

– А ты что стоишь? Ну скажи что-нибудь!

– Генеральный прокурор во всем разберется, – кивнул мужчина. – И накажет того, кто убил моего отца.

– Но я-то не убивала!

– Прокурор разберется! – Окулев безжалостно смотрел на жену.

Адвокат действительно подъехал, но Степан отправил его в отделение, куда собирались доставить задержанную. Он понимал, что впереди будет много грязи, вне всякого, адвокат с подачи Окулевой обвинит его в подтасовке фактов с целью выгородить Дашу, но ему к проблемам не привыкать.

В активе у «Советской нефтяной компании» четырнадцать процентов акций серьезной компании. Отец в этом году сильно сдал, чувствовал себя неважно, но, тем не менее, смог урвать этот куш из государственного пакета акций. Возможно, за это и поплатился. Филипп ничуть не исключал заказного характера убийства, но, скорее всего, Варвара сделала смертельный укол чисто из корысти. А может, ее очень хорошо попросили убрать отца.

– Филипп Дмитриевич, разрешите руководству «Иртыш-нефрепрома» выразить вам соболезнования! – Представитель компании Акифьев сделал скорбное лицо, но взгляд остался холодным и равнодушным.

Черты лица у мужчины грубые, взгляд жесткий, на нем хорошо бы смотрелась босяцкая кепка и бандитская кожаная куртка, но и строгий костюм сидел отлично. И даже придавал ему цивильный вид. Модельная стрижка, идеально выбритый подбородок, запах дорогого парфюма, правильно подобранный галстук, из украшений на пальцах рук только обручальное кольцо. Если существует крутая импозантность, то это про него.

– Давайте по существу! – Филипп давно ждал этого визита, он готов был к серьезному разговору.

– По существу, ваш отец взял то, что ему не принадлежит.

– Это вы так думаете?

– Вы прекрасно знаете, что на пакет акций, который достался вам, претендовали мы. Просто вашему отцу повезло.

– И что вы предлагаете?

– Все то же самое, выкупить ваш пакет акций. Только цена немного другая. Мы предлагаем вам восемьдесят миллионов долларов. Это в полтора раза больше, чем заплатили вы.

– Я умею считать, – усмехнулся Филипп, давая понять, что руководство «Иртышнефтепрома» держит его за идиота.

Да, отец смог взять пакет акций по цене раз в десять ниже реальной стоимости. Но это были «живые» деньги, наличные доллары, причем отец не просто заплатил, а профинансировал избирательную кампанию президента – через так называемые залоговые аукционы, кредиты под залог нефтяных акций. Деньги Министерство финансов не вернуло, акции ушли в собственность «Советской нефти», все просто. Хотя на самом деле все было чертовски сложно. Отец воспользовался расположением человека, взлетевшего на вершину власти. И ведь смог повернуть дело. Но сколько нервов ему стоило!.. А потом и жизни.

– Ну так что скажете, Филипп Дмитриевич?

– Может, вы мне скажете... назовете реальную стоимость пакета?

– Реальная стоимость вашего пакета равна сумме, которую мы вам предлагаем! – отчеканил Акифьев.

– Опять же, это вы так думаете.

– А больше и некому думать. Пакет этот должен принадлежать нам и только нам.

– Но принадлежит он не вам.

– Мы работаем над этой ошибкой! – Взгляд Акифьева стал холодным, Филипп почувствовал, как по коже продрал мороз. И в горле у него вдруг запершило, как случается при простуде.

У отца имелись связи в администрации президента, в правительстве, в министерствах, его не просто знали, но и уважали. А Филипп всего лишь почивал на его лаврах, учился в институте, бездельничал, женился, развелся, снова женился, только тогда и взялся за ум. Варвара промыла ему мозги, заставила взяться за работу, отец как раз основал свое дело, Филипп занял пост помощника коммерческого директора, дальше – больше. А с недавних пор он генеральный директор «Советской нефтяной компании». Есть знания, определенный опыт, но до отца ему ох как далеко. Филипп знал всех, с кем был знаком отец, но далеко не каждый воспринимал его всерьез. Не владел он всеми тонкостями работы. «Иртышнефтепром» – солидная компания, и в ней работают серьезные люди. Работают не только пером, но и шпагой. А Филиппу и опереться-то не на кого, охрана есть, но она не спасет, если за дело возьмется настоящий профессионал. Друг отца, генерал ФСБ, обещал свое покровительство, Филипп ему, конечно, позвонит, заручится его поддержкой, но почему-то этот вариант не внушал оптимизма.

А ведь Филиппу вовсе не обязательно жить в этой банке с пауками, рисковать своей головой. Зачем ему проблемы с отцовской компанией, когда он может продать ее и выручить за компанию реальную сумму, которой хватит ему на несколько жизней?

– Реальная стоимость акций – полмиллиарда долларов, и вы прекрасно это знаете, – с трудом проговорил он.

– Я вам назвал реальную стоимость! – сказал мужчина с хищной усмешкой.

– А если нет?

– Вы вправе сказать «нет». Но и у нас есть права.

– Какие, например?

– Такое же право, как и у вас. Право на раздумье. И вы думайте, и мы будем думать. Через неделю мы ждем ответ.

– Через неделю.

– Я сам зайду к вам, – улыбнулся Акифьев, его взгляд вдруг потеплел, «замаслился». – Секретарша у вас, я скажу! – Он по-свойски подмигнул Окулеву.

– Секретарь, – механически поправил Филипп, думая совсем о другом.

– Кстати, как поживает ваша супруга?

– Спасибо, хорошо!

– Хорошо?

– Ну, не очень...

Варвара обладала уникальной способностью наживать себе проблемы на ровном месте. Вот и сейчас рискнула под-

нять руку на отца. И прогорела. Филипп ничуть не сомневался в ее виновности, но адвокаты придерживались другого мнения, и они вполне могли добиться изменения меры пресечения, но Варвара продолжала обвинять Дашу и капитана Кручу во всех грехах, потому до сих пор за решеткой. Ее этапировали в СИЗО, там она, возможно, пробудет до суда. А затем приговор, этап, зона, но Филиппу ее ничуть не жаль. До смертной казни дело, конечно же, не дойдет, но для Филиппа Варвара и без того умерла.

– Бывает и хуже, не правда ли? – хищно усмехнулся Акифьев.

– Вам уже пора! – зло сказал Филлип и указал ему на дверь.

Смерть, она, конечно, хуже неволи, на это Акифьев и намекал. Но Филипп так просто не сдастся, пусть эта сволочь и не надеется. Он, может, и не прочь, сорвав огромный куш, осесть где-нибудь в тихой гавани вдали от родины, но за бесценнок память об отце он продавать не станет.

Акифьев ушел, Филипп вызвал секретаря, велел ей подать кофе и бокал коньяку. Что-то тошно стало на душе, алкоголь облегчения не принесет, он прекрасно это знал, но тем не менее.

– Да, конечно, Филипп Дмитриевич! – нежно улыбнулась Яна, чуть ли не влюбленно глядя на своего босса.

Девушка она видная, красивая, этого не отнять, но Окулев и не думал увлекаться ею. Даже притом, что на жене он

поставил крест. Какая-то пресная она, эта Яна. То ли дело Даша, тихая, флегматичная, ни страсти в ней, ни романтических побуждений, зато сколько нежности, мягкого очарования. Даша все никак не выходила из головы, какая уж тут может быть Яна?

Коньяк слегка взбодрил, Филипп набрался смелости, позвонил генералу Хорошкину, поделился своими соображениями насчет «Иртышнефтепрома», Игорь Александрович сам предложил ему охрану – двух бойцов из элитного подразделения, но к работе ребята могли приступить только завтра.

Домой Филипп возвращался в сопровождении бойца из охраны офиса. И Юра с ним, водитель-телохранитель, у него и опыт имеется, и преданность, и оружие. Но все равно на душе беспокойно, нет-нет да и пробежит по спине холодок. Хотя, казалось бы, какие причины для волнения? «Иртышнефтепром» ждет ответа через неделю, если Филипп скажет «нет» по истечении этого срока, тогда на него точно устроят охоту. Он почему-то ничуть в том не сомневался.

Глава 4

Глубокое озеро выбрал отец, он родом из этих мест, поэтому с удовольствием купил здесь участок. Отец как будто чувствовал, что жить ему осталось совсем немного, поэтому спешил поскорее построить дом, чтобы хоть чуть-чуть пожить на берегу любимого озера. Пожил... Теперь вот сам Филипп мог погибнуть в этом доме. Недострой вокруг, а дома достаточно высокие для того, чтобы засевший в них снайпер смог создать реальную угрозу. Впрочем, сам поселок охранялся, спасибо местному бандиту. Посторонних сюда не пускают, так что киллерам здесь ловить нечего. Наверное.

Сафрон – бандит цивилизованный, все законные обитатели поселка для него свои, а иначе и быть не могло. Бандитский беспредел не самая лучшая реклама для застройщика, а Сафрон имел свою долю с продажи земли, недвижимости. Он деловой человек, почему бы не обратиться к нему за помощью? Вряд ли «Иртышнефтепром» захочет связываться с бандитами.

С этой мыслью Филипп и вошел в свой дом. Со второго этажа донесся знакомый смех. Неужели Варвара? Неужели вернулась? И с кем она там? С горничной она так смеяться не будет.

Филипп не ошибся, в спальне он действительно увидел Варвару. Со стаканом виски в руке. Она сидела на кровати,

ноги накрыты одеялом, а грудь нараспашку. И не привычная «химия» на голове, а обычная короткая стрижка. Рядом с ней полулежал Сафрон. И тоже с голым торсом. В руке не стакан, а бутылка. Морда красная. И Варвара пьяная, она ничуть не растерялась, увидев мужа, не испугалась, а прыснула со смеха.

– Еще с кровати упасть осталось! – сказал Филипп, презрительно глядя на него.

– Что ты сказал? – скидывая с себя одеяло, фыркнула Варвара.

И грудь у нее обнажена, и все остальное. Еще и ноги бестыже развела. И все назло мужу. Совсем оскотинилась, сука!

Сафрон засмеялся, с издевкой глядя на Филиппа, но его лучше не трогать. Он бандит и мог взбеситься.

– Собирай манатки, сказал, и проваливай!

– Что он сказал? – спросил Сафрон.

– Проваливай, говорит!

– Это ты мне?

– И тебе здесь делать нечего!

– Это ты на кого бочку катишь? – поднимаясь с кровати, спросил Сафрон.

– Ну, в принципе, мне все равно, – не чуя под собой ног, сказал Филипп.

Охрана во дворе, Юра снова взялся мыть машину, Костя решил ему помочь. А Сафрон такой мощный на вид, кулак

тяжелый, крепкий, это ведь его главное оружие. Филипп работает головой, а бандит – кулаками. А как потом работать, если по голове прилетит? Так ведь и челюсть сломать могут!..

– Что тебе все равно? – надвигаясь на Филиппа, продолжал давить Сафрон.

– Ну чем вы тут занимались!.. Варвара для меня отрезанный ломоть!

– Не понял, ты что, этот ломоть мне спихнуть хочешь?

– Забирай, если хочешь!

Сафрон ударил несильно, но точно в солнечное сплетение, от боли Филипп едва не опустился перед ним на колени.

– Я не понял, ты что, мне вторсырье впариваешь? – спросил он.

– Эй, кто это вторсырье? – возмутилась Варвара.

– Заткнись, дура! – цыкнул на нее бандит.

Варвара обиженно поджала губы, но ничего не сказала.

– Ты, Филя, в корне не прав! Со мной так нельзя! Увидел, что я жену твою бараю, перекрестился и тихо в сторонку!.. Ты меня понимаешь?

Филипп с трудом разогнулся, но Сафрон, одной рукой схватив его за шею, заставил снова склонить перед ним голову.

– Ты меня понимаешь, спрашиваю?

– Понимаю, – буркнул Филипп.

Он, конечно, оскорблен и унижен, но Сафрон еще пожа-

леет о содеянном. Генерал Хорошкин вполне может устроить ему «райскую жизнь», Филипп об этом позаботится. Никаких денег не пожалеет.

– А если понимаешь, зачем борзеешь?

– Не борзею.

– Это правильно! – оттолкнув от себя Филиппа, с фальшивым благодушием сказал бандит и неторопливо стал одеваться.

Филипп не собирался ждать, когда Сафрон наденет брюки, вышел из спальни.

– Стоять! – донесся из комнаты возглас.

Но Филипп не остановился, он торопливо спускался по лестнице. Во дворе охрана, но она ему не поможет. Сматываться нужно, это здесь Сафрон хозяин, а в Москве он никто. У Филиппа квартира на Новом Арбате, большая, богатая, там он и бросит якорь. А Варвара здесь пока пусть живет. До суда. Или до развода.

Сафрон его не преследовал, но на первом этаже путь к выходу перегородил детина с нахальной физиономией. Он нагло жевал бутерброд с колбасой, угрожающе глядя на Филиппа. Пришлось остановиться.

– Куда ты, мужик? – спускаясь по лестнице, спросил Сафрон.

Филипп резко развернулся и смело глянул бандиту в глаза.

– Ты что, не понимаешь, с кем связался?

Сафрон ударил – рукой в грудь, Филиппа сильно потрянуло изнутри, сердце остановилось на несколько секунд, он не мог дышать, в глазах потемнело.

– С кем я связался? – донесся до него сквозь шум в ушах голос.

– Ты даже не представляешь, какие у меня связи, – с трудом выдавливая из себя слова, проговорил Филипп.

– Это не у тебя связи, это у твоего отца... Да и какие это связи? Почему твоя жена на свободе, а? Это ведь она твоего пахана убила! Почему с нее до сих пор не спросили? Почему она до сих пор жива? А у меня бы она не жила. Вот у меня реальные связи! Ты меня понимаешь?..

Сафрон повел плечом, и Филипп в страхе шарахнулся от него. Но бандит бить его не стал, только пугнул.

– Ну, чего стоишь? Налей гостю выпить! – оскалился Сафрон.

И кивком указал на каминный зал. А там и бар, и выпивка. Филипп спорить не стал, провел авторитета в комнату, откупорил бутылку виски. И ему налил, и себе.

– У меня реальные связи! – повторил Сафрон, в упор глядя на Филиппа. – И реальная сила!.. Поэтому они ко мне и обратились... А знаешь кто?

– Кто?

– А с кем у тебя проблемы? Кому ты там не хочешь что-то продавать?

– «Иртышнефтепром»?!

– Иртыш. Вор в законе, кличка Иртыш, соображаешь?

– Вор в законе?

– Кто там с тобой говорил, я не знаю, а со мной говорил

Иртыш. Просил тебя подготовить.

– К чему?

– К смерти!

– И ты что, согласился? – похолодел Филипп.

Сафрон мог убить его прямо сейчас. Юру и Костю он трогать не станет, просто скажет, чтобы они уезжали. А Филиппа похоронят где-нибудь на собаьем пустыре. Варвара же останется жить на правах его законной супруги. Она-то и продаст драгоценный пакет акций за копейки... Все просто. Все до жути просто.

– Разве я сказал, что собираюсь тебя убивать? – ухмыльнулся Сафрон. – Нет, не говорил. Я сказал, что буду тебя готовить. К безысходности. Чтобы ты осознал всю беспомощность своего положения. Ты, конечно, будешь брыкаться, но в конечном итоге вскинешь лапки. А если нет, тебя убьют другие. Только я с этого ничего иметь не буду. Ты меня понимаешь?

– А если я соглашусь продать акции, ты будешь с этого иметь?

– Вот именно поэтому я буду тебя кошмарить. Сегодня вот залез в постель к твоей жене... Завтра к тебе в постель заберется... слон с хоботом, – осклабился Сафрон. – Не думаю, что тебе это понравится.

– То есть ты думаешь, что тебе все можно?

– Я уверен в этом. Уверен, что превращу твою жизнь в ад. И устрою тебе «райскую» жизнь. На земле... Продай акции, купи себе остров посреди океана, построй там себе райскую жизнь.

– Ну, я не против... Только мне нужна реальная цена.

– Мне тоже нужны деньги, поэтому я буду кошмарить тебя до упора, – Сафрон улыбался, глядя Филиппу в глаза. – Но ты должен бояться не меня, ты должен бояться тех, кто хочет вернуть свои акции. Они пойдут до конца, ты в этом даже не сомневайся.

– Да я это уже понял!

– Сам подумай, твой отец стащил кусок мяса из-под носа у тигра. Как думаешь, что должен сделать тигр?.. Отца твоего уже порвали, на очереди ты.

– Отца порвали?

– А то ты не понял! – презрительно скривился Сафрон, поворотом головы указывая на спальню, где должна была оставаться Варвара.

– Ты что-то знаешь?

– Я знаю, что ты запал на медсестричку, – ухмыльнулся Сафрон.

– Кто тебе такое сказал?

– Красивая телочка, не вопрос... Знаешь, я бы впарил тебе Варвару, забирай ее, продавай все, покупай райский остров, все дела. Но зачем тебе эта сука?

– Не нужна! – мотнул головой Филипп.

– Забирай медсестричку! Будешь с ней под пальмами потомство разводить.

– Так просто?

– Потомство разводить?

– Да нет, забрать медсестричку.

– А она что, несогласная?

– Нет, конечно.

– Нет?! Ты же миллионер.

– И что?

Увы, но Даша не строила Филиппу глазки. Улыбалась, да, но чисто из вежливости. Не кокетничала она с ним, не заигрывала, и ее равнодушие не было показным. Даша не набивала себе цену, просто Филипп не волновал ее как мужчина.

– Купи ее.

– Деньги ее не интересуют.

Похоже, Даша влюблена в своего Кручу, а как еще объяснить, что она живет с ним? Своей красотой она могла завоевать сердце богатого мужчины, а пропадает с бедным ментом.

– Сделай ей предложение, – совершенно серьезно сказал Сафрон. – Поверь, она скажет «да». И отдаст тебе свое сердце... И все свои прелести в придачу. Как только ты наденешь ей на палец обручальное кольцо.

– Ну-у... А как же Варвара?

– Не бывает неразрешимых проблем, – криво усмехнулся

Сафрон. — Бывает мало денег.

Это был явный намек, но Филипп не собирался вестись на предложенную перспективу. У Сафрона задача выбить его из колеи, отсюда и эта провокация. Филипп заказывает ему Варвару, а он его этим шантажирует ... Нет, так не пойдет!

А сама по себе перспектива соблазнительная. Варвара исчезает из его жизни, Филипп женится на Даше и улетает с ней в теплые края. «Иртышнефтепром» — восемьдесят миллионов, еще столько же можно выручить за все остальное, что у него есть. И на эти деньги жить где-нибудь в Испании на берегу Атлантического океана. Или лучше на Канарах, на этих островах вечной весны.

— Ну так что? — спросил Сафрон.

— Насчет Даши не знаю, а насчет чужого мяса ты, возможно, прав.

— Ну вот видишь! — Бандит хлопнул по плечу вроде как по-дружески, но Филипп едва не потерял равновесие.

— А насчет Варвары... Вторсырьем ты точно не интересуешься?

Филипп вздохнул. Возможно, это «Иртышнефтепром» постарался и Варвару освободили. Возможно, дело и вовсе развалится, тем более что такая возможность, пожалуй, есть. Возможно, дело уже закрыли, а Варвара вернулась навсегда. А так просто со счетов ее не спишешь, если подать на развод, она потребует половину имущества и получит все до копейки. Если, конечно, до этого не станет счастливой вдо-

вой и полноценной наследницей отцовского состояния, которое продаст своим благодетелям по бросовой цене. Он тогда будет отдыхать под соснами, а она под пальмами, она под вершками, а он под корешками.

– Я нет, но есть люди... Варвара твоя хорошо подмахивает, они точно найдут ей применение.

Филипп усмехнулся. Хорошо бы отдать жену в дешевый притон, чтобы клиенты сплошным потоком, чтобы она загнута на таком конвейере. А если выживет? А если предъявит?.. Да и не дело это, отдавать жену на съедение акулам, даже если она совсем оскотинилась. Может, проще развестись?

Сафрон ушел, на прощание предложив Филиппу еще раз обдумать всю сложность своего положения. Окулев взял бутылку, приложился к горлышку. Алкоголь уже ударил в голову, когда появилась Варвара. Короткая стрижка не просто шла ей, а усиливала обаяние и сексуальность, опять же короткая ночнушка, тапочки на каблуке. Сильно накрашенные глаза и губы, пьяная улыбка, стакан виски в руке – все это создавало образ полноценной шлюхи. И доказательство тому недавний секс с бандитом... А ведь когда-то недотрогой была, во всяком случае, смогла убедить в том Филиппа.

– Сидишь? – усмехнулась она.

Стрижка короткая, ноги длинные, под ночнушкой открытый простор, Филиппа не должно было возбуждать, но что-то екнуло внизу живота.

– И я сидела! – Варвару качнуло, хайбол едва не выскользнул из пальцев.

– Я видел, как ты лежала.

– Так мы же с тобой в разводе! – язык у нее заплетался, но Филипп прекрасно ее понимал.

– Очень хорошо, что ты это понимаешь.

– Осталось только поделить имущество. И состояние.

– Поделим.

– А жаба не душит?

– Душит. Ты душишь!

– На себя посмотри, слизняк! – презрительно скривилась Варвара.

– Я тебя сейчас ударю!

– А Сафрона ударить слабо!.. У тебя все слабо – по сравнению с ним!..

– Убирайся отсюда, сука!

– Это мой дом! Ты оставишь его мне при разводе... Чтоб к Сафрону далеко не ходить! – оскорбительно засмеялась Варвара.

– Хорошо, тогда я сам уеду!

– Сафрона испугался? – И снова она подняла его на смех.

– Думаешь, я не найду управу на твоего Сафрона?

– Не найдешь!.. Давай проваливай!

Филипп кивнул и направился к выходу. Он шел прямо на Варвару, пытаясь избежать столкновения, она сдала в сторону, споткнулась, упала.

– Давай, давай, козел! Там тебя уже ждут! – донесся ему вслед возглас.

– Кто меня ждет? Где? – Филипп развернулся к ней.

– Приговорен ты! Не доедешь до Москвы!

Говорила Варвара уверенно, а с пола поднималась коряво, ночнушка задиралась, обнажались не только ноги, она пыталась закрыться, упала раз, другой. Выглядела она глупо и нелепо, но тем не менее Филипп ей поверил.

– Кто меня приговорил?

– А зачем Сафрон к нам приходил? Это ты придурок, а я сразу все поняла!

– Что ты поняла?

– А то, что тебя заказали Сафрону!

– Ну, в какой-то степени...

– Убьет он тебя!.. Я, конечно, пыталась его уговорить не трогать тебя. Ничего не вышло, зато как вошло! – глумливо хохотнула Варвара.

– Шлюха!

– А ты убей меня! Задуши! – Она вскинула голову, открывая горло для смертельного захвата.

Но Филипп даже не шелохнулся.

– Я же отца твоего убила, – ухмыляясь, провоцировала супруга Варвара.

– Заткнись, мразь!

– Не затыкай меня! Простой убей!.. Что, страшно?.. Ничтожество! – опуская голову, выплеснула она.

– Я ничтожество?! – вскипел Филипп.

Его будто в спину кто-то толкнул, он набросился на Варвару, двумя руками вцепился ей в горло и стал душить. Уложил на пол, встал перед ней на колени, не ослабляя хватку, смотрел в глаза, полные дикого ужаса.

Эти глаза уже стали закатываться, когда он разжал руки. Она захрипела, хватаясь за горло, поднялась, сняла с подставки у камина кочергу и замахнулась на Филиппа. Он шарахнулся, споткнулся, упал, а она нависла над ним.

– Ну нет, я убивать тебя не буду! – опуская руки, не своим голосом проговорила она. – Тебя и без меня убьют!.. А я в тюрьму обратно не хочу!

– Кто меня приговорил? Что ты знаешь?

– Знаю... Приходили ко мне... пока ты здесь со своей шлюхой прохлаждался!..

– Кто приходил? – поднимаясь с пола, спросил Филипп.

– А ты со своей шлюхой прохлаждался?

– Нет!.. Только не подумай, что я оправдываюсь. Кто приходил? Из «Иртышнефтепрома»?

– В принципе да, оттуда...

– Спрашивали насчет акций?

– Я сказала, что продам им за полцены.

– Продашь?

– Когда тебя не станет.

– А меня не станет?

– Я же говорю, заказали тебя.

– А тебя нет? Потому что ты согласилась?

– А что мне оставалось делать? Ты же не собирався меня вытаскивать. А они дело развалили. Все, не виноватая я!

– Но я-то все знаю.

– Плевать я на тебя хотела.

Она снова замахнулась, но в этот раз Филипп не упал. И сдал в сторону, освобождая проход.

– Вали отсюда, козел!.. – на прощание бросила Варвара. – Может, еще не поздно.

– Что не поздно?

– Да пошел ты! – донесся с лестницы возглас.

Филипп не знал, что делать. В Москву ехать опасно, ночь – страшно. Возможно, Акифьев предлагал куплю-продажу для очистки совести. Филипп отказывается, и руки у киллеров полностью развязаны. А он отказался, и наемные убийцы уже, возможно, ждут его за воротами дома.

А может, он предлагал сделку для отвода глаз. Дал неделю на раздумье, и, если Филиппа убьют в этот период, Акифьев не виноват...

Окулев решил дожидаться утра и профессионалов из ФСБ, поставил задачу своим телохранителям охранять двор, заперся в гостевой спальне на первом этаже, там и заснул, заглушив страх изрядной порцией виски...

Утром его разбудил стук в дверь. В состоянии жуткого похмелья поднялся, спросил, кто там, и услышал голос Варвары. Она ругалась, но Филипп не разбирал слов, их глушили

громкие хрипы. Он осторожно открыл дверь, на всякий случай отступил и, как оказалось, правильно сделал. Дверь распахнулась, Варвара влетела в комнату с ножом в руке. В эту руку Филипп и вцепился, нож выбить не смог, но и ударить Варваре не позволил.

– Убью! – ревела она.

Распухшее горло, гортанные хрипы – все это последствия вчерашней с ней схватки. Утром она проснулась, гортань распухла, горло болит, говорить получается с трудом, как тут не рассвирепеть и за нож не схватиться.

– Да успокойся ты, дура!.. К врачу тебе надо, а не меня убивать!

Филипп все-таки уложил жену на кровать, вырвал у нее из руки нож. А затем, скрутив простыню жгутом, связал ей руки, а затем и ноги.

– Я сейчас уйду! А ты давай в больницу!

Он даже не стал умываться, торопливо оделся, развязал Варваре руки и, оставив ее лежать, вышел в прихожую. Ноги она развяжет сама, пока сделает это, его уже здесь не будет.

Но в прихожей Филипп вспомнил про папку, которую оставил в каминном зале, вернулся за ней. Варвара не подавала признаков жизни, он не стал заглядывать в спальню, обулся, открыл дверь, вышел на крыльцо. Тогда Варвара и дала о себе знать. Вырвалась из дома, со всей силы толкнула Филиппа в спину. Падая, он даже успел поблагодарить ее, за то, что ножом не ударила. А ведь могла.

Юра стоял у машины, когда Филипп выходил из дома, Костя – у ворот. Оба собирались ехать с ним. А сейчас они даже не пытались помочь ему подняться. Один присел, глядя куда-то на забор, другой вытащил из кобуры пистолет.

– Эй!

Филипп хотел наорать на них, но крик застрял в горле, когда он увидел Варвару. Она сидела на коврикe, спиной опираясь на закрытую половину двери, одного глаза нет, вместо него ужасающая дыра. По белой двери стекали кровь и мозги. От ужаса Филиппа стошнило.

Глава 5

И снова поселок Привольный, дом номер двадцать четыре. Варвара Окулева мертва, ее муж в трансе, одного телохранителя до сих пор где-то носит, говорить может только второй.

– Мы там все дома прочесали, нет никого! – рассказывал водитель Окулева.

Степан стоял в проеме калитки, глядя на дома через дорогу. Один коттедж уже заселен, второй уже в полной готовности, но на окнах еще нет штор. Два других дома недостроенные, но оба уже под крышей. Участки солидные, дома друг от друга на расстоянии не менее пятидесяти метров. И от центра дороги каждый находился метрах в тридцати.

Прямо напротив двадцать четвертого дома высился уже готовый к заселению дом. Большой, двухэтажный, еще и с мансардой. С чердачного этажа и стреляли – через окно А, больше неоткуда. Со второго этажа плохой обзор или даже полное его отсутствие из-за высокого забора. А с чердака крыльцо как на ладони. Опять же угол, под которым вошла пуля в голову жертвы. Этот угол рассчитывался просто, если знать рост потерпевшей. Одна точка там, где пуля вошла в голову, а другая там, где в дверь. А Степан имел представление об антропометрических данных Окулевой. И где она стояла в момент выстрела, тоже знал. Предположение под-

тверждала малозаметная пробоина в стекле. Видно, киллер не рискнул открыть окно, чтоб не привлекать внимание, поэтому выстрелил через стекло. Рискованное, надо сказать, решение.

– Зачем все дома прочесывать? – спросил Степан, глядя на мансардный проем. – Одного хватит.

Водитель Мороков проследил за его взглядом и кивнул.

– Так мы сюда сразу и пошли.

– Это сюда еще вчера нужно было осмотреть.

Видел Степан этот дом раньше, еще подумал, что удобная позиция для снайпера.

– А мы не смотрели? – с обидой спросил Мороков.

– Не знаю.

– Смотрели, конечно!.. Вечером были, стол на месте стоял.

– Какой стол?

– Бильярдный, у окна. Киллер его к окну подтащил. Но это уже после того, как мы дом осмотрели.

– Интересно.

– Лежку себе сделал. Жаль, утром не пошли не глянули.

– Лучше поздно, чем никогда, – усмехнулся Лозовой.

– Стол там у окна стоял, – повторил водитель.

– Гильзу не видели? – спросил Степан.

Окулев хоть и впал в ступор, но в милицию позвонил сразу. Степан в это время принимал участие в разводе суточно-го наряда, находился в дежурке, на место происшествия он

отправился сразу, Славу Малыгина с собой взял и Рому Лозового, добрались быстро.

– Ну, глянули, нет ничего. И по следу пошли – я в одну сторону, Костя... Костя до сих пор бегают.

– И мы побегаем, – сказал Малыгин, вопросительно глянув на Степана.

– Пешком, – кивнул он.

– Осторожно, там собака! – предостерег Мороков.

– Собака? – удивленно повел бровью Лозовой.

– Живая?

– Ну не мертвая же!..

– Как же вы в дом попали?

– Да так и попали. Я же не первый день у Филиппа Дмитриевича! – водитель с гордостью расправил плечи. И кивнув в сторону дома, продолжил: – С хозяином познакомился, с собакой. Фокстрот меня знает и Костю не тронул.

– А киллера?

– Вот я и думаю...

– Может, слышали, как собака лаяла?

– Фокстрот не лает, он сразу рвет!

– Порода?

– Бульмастиф. Николай Платонович раз в два дня приезжает, пес, конечно, скушает, но с тоски не воет. Я иногда его кормлю. Ну и дом осматриваю, вдруг там кто-то затаился. Вы не думайте, у меня все под контролем... Было, – вздохнул водитель.

– Ты нас с Фокстротом познакомь. – Малыгин взял Мо-рокова под локоток.

– В дом не надо, – сказал Степан. – По двору ходите. И с собакой разберитесь.

Видно, киллер прикормил собаку, надо будет выяснить, как он это сделал, каким временем для этого располагал. И собаку надо будет по его следу пустить, но не сторожевую, а поисковую.

Опера ушли, а Круча, закрыв калитку, вошел в дом. Окулева он нашел в каминном зале, мужчина дрожащей рукой наливал виски, горлышко бутылки едва слышно постукивало по стакану.

– Будете? – спросил он.

– Почему Варвара вас толкнула? – спросил Степан.

Интересовали его и другие вопросы. Каким образом с Окулевой сняли обвинения и почему она на свободе?

– От обиды.

– Поссорились?

– Она отца моего убила!

– Зачем же вы ей тогда помогли?

– Я ей помог?!

– Я не знаю, сколько вы заплатили судмедэксперту, – сказал Степан. – Но заплатили много, чтобы Варвара оказалась на свободе.

Судмедэксперт отозвал заключение, счел его скоропалительным и необоснованным. Оказывается, Окулев Дмитрий

Яковлевич умер вовсе не от лидокаина, анафилактический шок мог спровоцировать и церебролизин... Тело потерпевшего уже предано земле, прокурор не разрешил эксгумацию и повторное исследование. Смерть наступила по естественным причинам, дело закрыто, обвиняемую выпустили на свободу. Похоже, заплатили не только медикам, но и прокурорским. Заплатили очень хорошо.

– Я ничего не платил!

– Да это уже в общем-то и не важно, – усмехнулся Степан.

– Это все «Иртышнефть»!

– Что-то знакомое.

– Я отказался продавать им свои акции, а Варвара согласилась. Меня сегодня должны были убить, а она должна была унаследовать мое состояние.

– Должны были убить, – кивнул, соглашаясь, Степан.

Видимо, Окулева подставилась под пулю случайно.

– Варвара знала, что меня должны были убить сегодня, – продолжал Окулев.

– Вы так думаете или она вам сказала?

– В том-то и дело, что сказала!.. А я должен был догадаться, что она все знала. Я же мог составить завещание в пользу своего сына. Мог составить завещание прямо сегодня.

– У вас есть сын?

– От первого брака, Яше уже двенадцать. Отец оставил ему приличную сумму... Впрочем, это не важно! – мотнул головой Окулев.

И снова Степан согласился с ним. Если бы киллер представлял интересы его первой жены и сына, он бы нажал на спусковой крючок уже после завещания в их пользу.

– Что вам говорила супруга?

– Сказала, приходили к ней в тюрьму из «Иртышнефти», предложили вариант. Она согласилась уступить мой пакет за бесценок.

– Согласилась и вышла на свободу.

– А я отказался, но едва не получил пулю... И еще Сафрон... – Окулев осекся, отвел взгляд в сторону.

– Что Сафрон? – заинтригованно спросил Круча.

– Я вам и так много наговорил, а не должен!..

– Почему?

– Да потому, что этим делом займется ФСБ. Я звонил генералу... Не важно, какому генералу... Я звонил, сейчас подъедет опергруппа...

– Опергруппа знакома с Сафроном?

– Не думаю.

– А я знаком.

– Да, Варвара говорила мне, что вы его избили.

– Это не избиение, а самооборона.

– Ну да, а потом Сафрон оторвался на мне, – с горечью проговорил Окулев.

– Когда?

– Прихожу, а он в постели с Варварой! Хоть бы закрылись! Нет, лежат, смотрят на меня и скалятся. Весело им!..

– Сафрон вас избил?

– Да!.. – с болью выплеснул Окулев. – Сказал, что кошмарить меня будет, пока я акции «Иртышнефти» не верну. Как будто я их украл!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.